

Марина Александрова

Кольцо странника

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Александрова, М.

A46 Кольцо странника / М. Александрова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 304 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00316-4

Мистические артефакты повелевают жизнями своих владельцев и принимают не только могущество, но и верную смерть, если не будут выполнены три страшных условия...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00316-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Глава 1

На заре затрубили трубы в святом Новгороде — но на сей раз не дрогнули спящие жители, Пресвятая Дева, заступница, не проронила слезы с чудотворного образа. Знал Новгород — ныне князь предан мирным делам, едет он со своей ратью на охоту. Потому и ржут весело кони, и трубят рога, скликая славных воинов на молодецкую забаву.

Всеслав, семилетний сын княжьего тысяцкого Романа, проснулся до света. Еще надеялся — смилуется отец, возьмет с собой на охоту. Вчера совсем было удалось его упросить, да мать помешала — завопила, заголосила:

— Куда мальчонку тащите? И не дам, и не позволю! В могилу вы меня вогнать хотите, что ли? Ему и восьми годочков еще не сполнилось, а уж на такую забаву? И не помышляйте!

Всеслав стоял, насупившись. Очень хотелось удариться в рев, но держался — отец не любил, когда при нем роняли слезы. Надеялся вырастить из сына храброго воина и хвалил за удаль — потому уж почти согласился. Кабы не матушка...

Теперь Всеслав встал спозаранок, думая захватить отца и увязаться за ним. Поглядывая искоса на спящую няньку, быстро оделся и кинулся вон из опочивальни.

Отца он поймал уже на дворе.

— А, пострел, уже вскочил? — засмеялся отец, увидев его, заспанного, растрепанного. — Что-то раненько нынче. Ну, молодец, молодец. Ишь, взъерошился, как воробей!

— Возьми меня с собой! — наконец вымолвил Всеслав, припав щекой к большой отцовской руке.

— Нет, сын, в другой раз. Слышал, как мать вчера заливалась? И вечером мне говорила: смотри, не вздумай мальчонку с собой тащить. Я и обещался просьбу ее исполнить.

Всеслав вздохнул. Он знал — отец своего слова не нарушит.

— Верно, в другой раз возьмешь?

— А как же, конечно! Беги теперь в терем, досыпай. Вон у тебя и глаза слипаются.

Делать нечего — пришлось идти обратно в терем. Нянька уж встала, теперь кудахтала где-то, искала потерянного питомца.

День на сей раз тянулся очень долго — не пришла охота к обычным мальчишеским забавам и Всеслав шатался по двору без дела. Сестрица, четырехлетняя Нюта, пыталась увязаться за братом, но сегодня ему не до нее было. Так скучно было что-то, так скучно на душе... Бывало, приходили на двор к тысяцкому скоморохи, плясали и пели, смешили добрых людей. Ради детей их не гнали, смотрели только, чтоб чего не стянули. Но сегодня и скоморохов не было, и небо затянуло

серыми тучками... Вдали где-то мелькали молнии, погромыхивал гром отдаленными раскатами.

За вечерней трапезой мать вздыхала, маялась.

— Душно что-то, перед грозой, что ли, — сказала, прижимая ладонь к высокой груди. — Как бы отец под ливень не попал. Пойду, прилягу, что ли... Томит.

Стала подниматься из-за стола и вдруг замерла.

— Мотри, едет! — сказала и бойко пошла к дверям — встречать. Проходя коридорами, улыбалась, качала головой. Надо же — уж восемь лет, как обвенчались они, а любовь все по-молодому горит. Вроде бы и не пристало в такие-то годы, а все пылает сердце, не хочет уняться...

Всеслав приклеился носом к оконцу — встречать отца. Ничего толком и рассмотреть-то не успел, только понял, что дело неладно, когда со двора раздался звериный вопль матери, и не верилось как-то, что эта маленькая женщина может так ужасно кричать. Всеслав рванулся со скамьи, бросился к дверям, но его удержали чьи-то сильные руки, а рыдания матери становились все ближе и все страшней.

Тысяцкого Романа на охоте заломал медведь. Никто не ждал этого — на княжеских охотах Роман частенько хаживал в одиночку на могучего зверя и неизменно выходил победителем. Но на сей раз медведь попался сильный, злой, матерый, и не сдюжил тысяцкий, и не успели ему на подмогу верные друзья... Поломанного, с разорванной грудью, выручили его из лап зверя и привезли домой.

Под темными грозными ликами образов, уйдя до подбородка в жаркие перины, умирал отец Всеслава — самый сильный, самый добрый и веселый человек

на всем белом свете. Дышал он часто, с присвистом, губы запеклись от жара. Только глаза неутолимо горели, и такое невыносимое страдание светилось в них, что даже выдавший виды священник, отец Василий, вздрагивал и отводил взор. Жена неотрывно смотрела на умирающего; ее круглое, темнобровое лицо опухло от слез, время от времени она начинала причитать, но пугалась потревожить умирающего и затихала, молча заламывала руки.

Всеслав с сестрицей сидели на скамейке в уголку, прижавшись друг к другу. Нюта не понимала еще, что происходит, но почувствовала беду и сидела тихо, только иногда тяжело, не по-детски вздыхала. В сумраке под сводом шушукалась, всхлипывала дворня — слуги любили Романа, подчинялись не из-под палки, с радостью.

Умирающий пошевелился.

— Что, что, кормилец? — кинулась к нему жена.

— Детей... — выговорили спекшиеся губы тысяцкого.

— Детей, детей к нему подведи, благословить хочет, — зашептал отец Василий. Всеслав слез со скамейки и, держа за руку сестру, сам подошел к ложу. С помощью жены и священника отец возложил холодеющие уже руки на головы детей — на льняные кудри Всеслава и на черные, жесткие, как у матери, волосы Анны.

— По правде живите... — сказал из последних сил, и тут же ясные глаза его стали меркнуть.

— Отходит, батюшки, отходит! — вскрикнула жена, за ней заголосила дворня. Но нет — диким усилием воли отогнал тысяцкий курносую, снова очи его прояснились.

— Сын... остаешься за хозяина. Мать, помоги-ка мне. Сними вон перстень с руки...

На правой руке, на среднем пальце, Роман всегда носил серебряный перстенок с темным камушком. Не раз и не два говорил он сыну, указывая на перстень: «Вот, сынок, родовой наш оберег. И деду твоему и прадеду помогал он, давал удачу и в любви и на войне. Только чтоб служил он тебе — по правде жить надо». И Всеслав, заглядывая в таинственную глубину камня, думал, что всегда будет жить «по правде», как отец. Но о том, что отец когда-нибудь умрет, он и помыслить не мог.

Мать с трудом сняла кольцо.

— Сыну, — тихо, но твердо сказал Роман.

Всеслав еле держался на ногах, голова у него кружилась, слезы, казалось, вот-вот польются из глаз. Но он, как всегда, не решился заплакать при отце. Твердо шагнул вперед и, взяв перстень, надел его на средний палец, как отец. Подняв глаза на отца, увидел улыбку на его лице — кривую, бледную, слабую, но самую настоящую улыбку, и сам улыбнулся в ответ.

Терем содрогнулся от удара грома, яркая молния расколола ночные тучи и по крыше забарабанили капли дождя — сначала редкие, а потом все чаще, громче, сильнее... Отец застонал, над ним склонилась мать и отец Василий, а Всеслав не мог оторвать глаз от отцовского подарка. В глубине темного камня вздрагивали, переливались алые огоньки. Всеслав никогда не видел такого, и теперь все его детское внимание было устремлено на перстень. Вздрыгнул, когда крикнула мать:

— Глазеньки открыл, голубчик!

Тысяцкий Роман рывком поднялся и сел на постели. Глаза его были широко открыты и — Всеслав никогда

этого не забудет! — из них лился необыкновенный свет, весел и чист был взгляд умирающего. Он смотрел куда-то вверх, в темный угол комнаты... И вдруг плечи его задрожали, судорога прошла по всему телу и он бездыханным упал на высокие подушки.

Душераздирающе кричала вдова, священник шептал слова молитвы, и причитала многочисленная дворня — Всеслав уже не слышал ничего. Слез не было, жалобы застряли в горле. Повернулся к дверям — там обступили слуги, плакали, жалели, звали непривычно — сироткой. Еле вырвался из их цепких рук и не пошел, а побежал, сам не зная куда. Только бы укрыться, уйти от этого страха, от жалости, от боли.

В пустой и темной трапезной рыдания матери почти не слышались — только доносился смутный, тревожный шум, от которого тесно было в груди и жужжало в ушах. Всеслав присел на корточки у очага, где тлели багряные угли, уткнулся носом в колени. Нужно было как-то жить, что-то делать. Всеслав остался в семье за старшего, за хозяина, и эта забота бременем легла на его детские плечи...

Радость ушла из дома. Мать с тех пор, как схоронили отца, была словно бы не в себе — все время молчала, иногда принималась плакать, а хуже — чудить. Порой говорила что-то невпопад, ночами громко молилась и рыдала под иконами. Про детей она словно позабыла — скорбь по безвременно ушедшему, безмерно любимому супругу вытеснила из ее сердца любовь к детям. Всеслав чуял это, чуяла и Нюта, все время жалась к брату. Дворня, не видя над собой хозяйского надзора, распустилась — воровали немеренно, потеряв страх,

к работе старания поубавилось. Хозяйство, так ладно поставленное, впадало в запустение.

Всеслав с Нютой коротали бесконечные вечера на скамеечке в дальней горенке, которую в доме называли «темной». Круглые оконца пропускали мало света. Дети сидели, поджавшись, против тлеющего очага, жались друг к другу. Чтобы развеселить сестрицу, Всеслав крутил ей из тряпиц куколок, метил угольком глаза и давал ей баюкать. Порой говорил сказки, которые сам еще слышал от няньки. Да только сказки все получались страшные — про лихих разбойников-душегубов, про нечистую силу лесную, про того, кто по ночам воет в печах... Нюта прижималась к брату, брала его за руку и затихала — вглядывалась в алую звездочку в кольце.

Всеславу перстень был велик, но он все равно носил его, как мать ни уговаривала припрятать до времени. Носил на большом пальце и берег пуще глаза, а в грустные вечера утешал им сестрицу, а более — себя...

— Вот вырасту я, — шептал громко, — стану хозяином, и опять дела на лад пойдут... Пойду к князю в дружину, добуду себе славу, матушку утешу... А в том мне батюшкин оберег подмога, с ним мне счастье придет.

Нюта широко открывала и без того огромные черные глаза и переводила взгляд с брата на кольцо. Пусть не много она понимала в словах Всеслава, но держалась за него крепко. И Всеслав понимал, хоть и не вышел он еще из отроческого возраста — он у сестры одна надежда, некому о ней позаботиться. Матушка-то вон никак в разум не войдет...

Неизвестно, как бы дальше шла жизнь осиротевшей семьи, кабы как-то зимним утром не подкатили

к крыльцу крепкие сани. Рванулись два цепных кобеля, задохнулись от злобы, и смолкли — такой властный голос шикнул на них. Нянька сунулась в окно и, как мешок, повалилась обратно на скамью.

— Боярин приехал, в шубе богатой! — шепнула она и побежала, засемила по переходам — сказать хозяйке.

...Татьяна, узрев, кто приехал, побелела как плат. Вот уж нежданный гость! Как же встречать его, что говорить?

Неизвестно. Не в ладу были братья: поссорились давно, в юности еще, и с тех пор не видались. Слышали друг о друге от чужих людей, но о себе вестей не подавали.

И вот — стоит на пороге старший брат, Тихон. Постарел, огрубел, устало смотрит из-под нависших бровей... Молчать дальше становилось невозможно, и гость первым нарушил тишину.

— Мир дому сему! — сказал он.

Татьяна сдержанно поклонилась.

— Спасибо на добром слове. Не ждали мы гостей, прощения просим.

У пришедшего дернулись брови.

— Ты что, — тихо сказал он, — не признала меня, Татьяна?

— Как не признать — признала. Не ведаю только, с чем ты к нам наведалься? Давненько...

Тихон жестом остановил ее речь.

— Прослышал я о безвременной кончине брата... — молвил он горько. — Душой скорблю о глупости и спеси своей, о том, что не успел с ним примириться, прощения испросить, и от него прощение получить. Давно уж обиды не держу... — и засопел, утирая скупые слезы.

Татьяна тоже заплакала.